

АВТОБИОГРАФИЯ

Родился я в августе 1967 года в Москве, на Бутырском хуторе. Детство прошло в окружении улиц Гончарова, Руставели, Фонвизина, Добролюбова. И, это, наверное, нельзя было назвать случайностью, о чём я понял значительно позже. Общежитие Литинститута на углу тоже способствовало тяге к творчеству, но с его насельниками я стал плотно общаться только в призрачной юности — в баре Останкинского пивкомбината на Огородном.

Прадед мой обосновался в Москве в 1920-х, придя в разгар индустриализации плотником из Мещёрской стороны, с Рязанщины. Каждое лето мы с братом уезжали в Мещёру, в глухую деревню, в низкую избу с тесовыми потолками, носили из колодца бадьи на коромысле и убегали в лес за грибами, где ведёрные корзины заполнялись за полчаса. Купались в прозрачных речках и чёрных торфяных прудах. Перечитывая Есенина и Паустовского, я до сих пор вижу эти пронизанные солнцем лесные поляны, и сердце переполняется нежной любовью, сравнить которую можно разве что с чувством, которое возникает в храме, в мерцающем сумраке праздничной службы.

Оба деда были на войне. Один погиб под Москвой. Другой был призван в первую неделю войны и прошел её через Сталинград, Курскую

битву, Корсунь-Шевченковское сражение, Будапештскую мясорубку. Победу встретил в Вене, где принял участие в возведении памятника героям Советской армии на площади Шварценбергплац.

Отец и мать всю жизнь проработали в системе обороной промышленности. С детства я знал ТТХ всего вооружения и военной техники СССР и вероятного противника и на уроках НВП это демонстрировал. Особенно меня манило стрелковое оружие, очаровывая единством минималистской формы и угрожающего содержания. До сих пор со щелчком вставшие на место затворная рама или магазин вызывают ощущение катарсиса.

Но самым любимым предметом была и остаётся литература. Педагог Нина Степановна неустанно прививала нам любовь к русскому языку (а учился я в 62-й английской спецшколе). Сразу, заметив мои поэзопопытки, она определила кредо на всю жизнь: «Чтобы писать стихи, надо много читать стихов». В кабинете все шкафы были заполнены журналами «Юность» (она приносила их с первых выходов), и поэзией, поэзией, поэзией. Я прочёл все и не один раз.

Семья наша собирала книги. В крошечной двушке на Гончарова в одной комнате — три стены книг. Всё, что выходило в печати, критически отбиралось через покупку, обмен на стихийных толкучках и в парках. (Я сам поливал макулатуру водой и вытаскивал на мороз, чтобы «потяжелее» сдать в пункте приёма за талончик на книгу. Хорошо помню настойчивого папиного приятеля, который долго предлагал поменять БВЛ на новые «Жи-

гули».) Я читал «на метры», порой по книге в день. Если «не захватывало», сразу откладывал. С тех пор очень жалею литературных критиков, которым приходится дочитывать до конца.

В 16 лет за мной захлопнулись ворота казармы. Тяга к оружию перевесила, и я стал курсантом Тульского высшего военного артиллерийского инженерного ордена Ленина и Октябрьской Революции училища имени Тульского пролетариата. Когнитивный диссонанс, возникший из-за столкновения воздушных представлений о жизни рафинированного москвича и жёсткой правды армейских будней, формировал личность. В суровой среде мужского коллектива я осознал главное правило — характер должен быть твёрдым, но гибким. В любой ситуации необходимо искать компромисс, не изменяя себе в главном. Всегда оставаться мужиком. Ну и чувство юмора...

По окончании служил в Главном ракетно-артиллерийском управлении Министерства обороны Российской Федерации

Участник боевых действий. По моему скромному мнению, военный опыт ничего не даёт для нормальной мирной жизни. Идти в армию лучше с уже оформленным мировоззрением и жизненными принципами. И не давать слабины.

Стихи я писал всегда. И всегда для себя. Однокурсники пели под три аккорда мои опусы. Иногда что-то под Анчарова. Никогда не печатался. Да я и не пытался.

До Русской Весны стихи мои были тотальный неформат и издать их не было никакой возможности. Окололитературные деятели вообще не понимали, о чём я: «Какая война? Где? Ты вокруг-то посмотри!» И хотя товарищи порой хвалили, в творческой тусовке людей, способных не то чтобы понять, но хотя бы оценить, я не видел.

Но внезапно началось.

На изрядно опопсовевшем поэтическом небосклоне вдруг начали появляться Анна Долгарева, Анна Ревякина, Дмитрий Артис, Семён Пегов, Александр Пелевин и многие другие. Они вольно и талантливо говорили то, о чём я писал с 1980-х. Большинство вокруг хотело их слышать — и услышало. Первым и основным лидером новой волны стал Захар Прилепин. Именно благодаря ему и появилось то, что сейчас принято называть Z-искусством. И тогда, и сейчас он решительно боролся и борется за правду и возможность «родни» говорить и быть услышанными.

Мудрый филолог Олег Демидов на поэзоконцерте куртуазных маньеристов «нас заметил и...» Когда готовилась антология «Воскресшие на Третьей мировой», Олег показал мои стихи редколлегии, и они были одобрены. Непередаваемое счастье видеть свои строчки, годами хранимые только в памяти, — напечатанными. И книга эта, раз уж сама жизнь «к штыку приравняла перо», — посильный вклад в наше общее дело.

Вадим Пеков

PRAEFATIO

Измученный измотанный
Приобретённым опытом
Я шёл уснувшим городом
По дрогнувшей струне
И пятна света мутные
В густом тумане мучались
Мокреть и мысли путные
Как будто не во мне
И не родились образы
Размер ещё не познанный
Но пульс под сердцем бьёт
Стихов что не печатают
Порочное зачатие
И выйдет паче чаянья
Мертворождённый плод.